

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В КИТАЕ

Ставится задача рассмотрения положения современной русской диаспоры в Китае. Рассматривается процесс формирования русского национального меньшинства, которое признается официально, входит в число 56 народностей КНР и представители которого являются китайскими гражданами. В настоящее время это ассимилированная китайцами этнокультурная группа, основными проблемами которой являются вопросы сохранения языка и православной веры. На основе проведенного исследования предлагаются некоторые пути решения проблемы поддержания идентичности русского национального меньшинства в Китае.

Ключевые слова: Китай; русская диаспора; национальное меньшинство; идентичность; эмиграция.

Число русских, проживающих в Китае, неуклонно растёт. История русской диаспоры в Китае насчитывает около 700 лет, но сформировалась она окончательно только с началом строительства на территории Поднебесной Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в конце XIX в. История российской миграции в Китае тесно связана с КВЖД – именно благодаря проекту КВЖД начался массовый приток в Китай русских, и именно в этот период и после возникли многотысячные колонии русских эмигрантов.

В конце XIX в. начинается российское экономическое и политическое проникновение в Китай. В конце 1895 г. был организован Русско-китайский банк с целью добиться согласия Цинского правительства на проведение Сибирской дороги к Владивостоку через Маньчжурию. 27 августа 1896 г. в Берлине был подписан «Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги».

Первые работы начались в 1897 г., именно тогда в Маньчжурию прибыли первые российские рабочие и инженеры. Позже, год спустя, в 1898 г. на месте сооружения железной дороги был заложен город, который в дальнейшем стал центром строительства КВЖД, – Харбин. Численность русского населения в Харбине в 1899 г. составляла 14 тыс. человек и 5 тыс. человек из Охранной стражи [1. С. 75]. 15 мая 1903 г. была проведена первая перепись населения, согласно которой на тот момент в Харбине проживало 15 579 русских и 28 338 китайцев, а общая численность населения города уже насчитывала 44 576 человек [2. С. 145]. В начале XX в. Харбин строился достаточно активно благодаря массовому притоку на строительство КВЖД населения из различных губерний Российской империи. Это были коммерсанты, подрядчики, биржевики, спекулянты и простой люд – лавочники, прислуга, рабочие, крестьяне, ремесленники и т.д. Бурный рост привел к тому, что к 1917 г. на территории города проживало более 100 тыс. человек, из которых русских было свыше 40 тыс. [1. С. 145].

Благодаря значительному притоку российского населения Харбин на рубеже XIX–XX вв. стал центром русской миграции первой волны в Китай [3]. Харбин строился русскими и был создан по российским градостроительным образцам. Администрация КВЖД также заботилась об устройстве русского быта и образа жизни [4]. В городе была построена Соборная

площадь со Свято-Николаевским собором. Этот собор стал центром русской культурной и духовной жизни. В 1920-е гг. численность русского населения в Харбине возросла: сторонники белого движения после поражения в Забайкалье и Приморье устремились в Харбин, на тот момент быстро развивающийся промышленный город с многочисленным русским населением.

Согласно воспоминаниям современников, «Харбин являлся чисто русским городом» – в нем говорили на русском языке, было множество печатных изданий, которые также издавались на русском языке; школы, гимназии, университеты – преподавание там велось также на русском. Вместе с языком русские принесли в Харбин свои традиции и быт. Были построены православные храмы, русские семьи сохраняли традиционный уклад жизни, характерный для дореволюционной России. Поэтому для множества беженцев из России после 1917 г. Маньчжурия, а именно полоса отчуждения КВЖД, была хорошей альтернативой странам Европы и другим государствам, куда отправились бывшие русские подданные. Харбин давал эмигрантам многое: возможность воспитывать детей в привычной для русского человека обстановке, кров, работу и поддержку соотечественников. Таким образом, на рубеже 20–30-х гг. XX в. Харбин стал центром белой миграции не только в Китае, но и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии. В отличие от Европы, русские в Китае не селились вместе с местным населением, поэтому в то время меньше были подвержены ассимиляции.

Объяснялось это тем, что Китай по культуре, образу жизни, мировосприятию, менталитету резко отличался от европейской и славянской культур. Но общие границы с Китаем, развитие в последние столетия экономических и политических отношений и наличие в Китае в последние 200 лет Российской Духовной Миссии создали предпосылки для возникновения на территории восточного государства полноценной русской диаспоры. В результате Гражданской войны число русских в Китае значительно выросло. Согласно подсчетам исследователя О.Л. Воронина, на территории Китая в XX в. находилось не менее 500 тыс. русских, причем их численность в других странах была значительно меньшей, за исключением Германии.

После введения в 1928 г. паспортной системы для российских граждан в Китае в Маньчжурии в начале

1930 г. насчитывалось около 110 тыс. русских (в Харбине и на КВЖД – 95 тыс., в Мукдене – 2 тыс. и т.д.). В Шанхае было около 15 тыс. русских эмигрантов, также русские поселения были в Пекине, Тяньзине, Циндао [1. С. 198]. Однако после 1924 г., когда было подписано русско-китайское соглашение о регулировании отношений между Китаем и Советской Россией, многие бывшие подданные Российской империи вынуждены были принять советское гражданство, так как иначе они теряли работу. После создания в 1932 г. японцами марионеточного государства Маньчжоу-го на территории Китая начался массовый отток русских из Маньчжурии, вследствие того что советское правительство продало свои права на КВЖД японцам. Быть русским в Китае стало преступлением. В 1937 г. НКВД выпустило приказ № 000593, согласно которому НКВД насчитывало около 45 тыс. так называемых русских харбинцев, 4 500 из которых должны были быть репрессированы якобы за терроризм, саботаж и шпионаж в пользу Японии [7. С. 60]. Обвинения распространялись на людей, служивших в белой гвардии и занимавшихся другой деятельностью в Харбине, включая членство в различных партиях эмигрантов или организациях: Харбинский комитет помощи русским беженцам, Российский общевоинский союз. Преступлениями считалось владение ресторанами, отелями или занятие иной предпринимательской деятельностью, работа в китайской полиции или учреждениях русского бизнеса, а также на русских людей с китайским гражданством.

Со стороны японского правительства наши соотечественники испытывали не меньшее давление. Были запрещены многие политические организации, ограничена экономическая деятельность русских, вся политическая и общественная жизнь российской колонии в Маньчжоу-го была под жёстким контролем японских властей. Все это привело к массовому оттоку белых русских из Маньчжурии в Шанхай, Тяньцзинь и на юг Китая. Согласно воспоминаниям Е.В. Саблина, «...русские, занимающие сколько-нибудь выдающееся положение в Маньчжурии, а также крупные торговцы, более или менее независимые люди из интеллигенции вытесняются из Маньчжурии и Восточной Монголии под различными благовидными предлогами и вынуждаются перебираться в города Китая» [1. С. 240]. В годы Второй мировой войны отмечался рост антияпонских настроений среди белой миграции в Маньчжурии, в итоге большинство рядовых эмигрантов приветствовали советскую власть и ее приход в Китай. После окончания Второй мировой войны указами Президиума Верховного Совета СССР было предоставлено право получения гражданства СССР определенным категориям эмигрантов.

Что касается второй локации белой эмиграции в Китае – Шанхае, то в 1930–1940-е гг. здесь отмечался значительный рост численности русского населения за счет оттока из Маньчжурии. Русское население в Шанхае также старалось сохранять свои традиции. Молодежь, прибывшая в Шанхай из Маньчжурии, многое привнесла в жизнь русских горожан. Благо-

творительные и общественные организации помогали быстрее адаптироваться в иной среде, но при этом не ассимилироваться. В Шанхае, как и в других местах, отмечали национальные и православные праздники – Пасху, Рождество, Троицу и т.д. Массовый отток русских эмигрантов из города произошел впервые после Второй мировой войны – к концу 1940-х гг. в Шанхае осталось не более нескольких сот русских.

Приход Советской армии в Маньчжурию в 1945 г. положил начало отъезду русских из Китая и почти полному сокращению русской диаспоры в крупных городах. Дальневосточная русская эмиграция разделилась на два лагеря: один считал СССР своей Родиной, а второй не мог смириться с советской властью. Большинство тех, кого не устраивало советское правительство в России, покинули Китай и благополучно уехали в Соединенные Штаты, Австралию, Латинскую Америку. Другой части русских поселенцев в Китае, благодаря ряду указов Президиума Верховного Совета СССР 1946–1948 гг. о праве получения советского гражданства бывшими подданными Российской империи, а также лицам, по тем или иным причинам ранее утратившим советское гражданство, была открыта дорога в Советский Союз. К началу 1960-х гг. почти все русское население Харбина и Маньчжурии уехало. Подписание 31 декабря 1952 г. Заключительного протокола, касающегося урегулирования вопроса о КВЖД, предопределило массовый исход бывших российских граждан [6].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что из-за сложных исторических условий, в которых находилась русская эмиграция в Китае, определились два основных направления ее дальнейшего движения: репартация и реэмиграция. С 1923 г. начался отток российских граждан в другие страны, происходило движение и внутри страны: с 1925 г. началось активное переселение русских в Шанхай из-за передачи КВЖД в советско-китайское управление. Конфликт на КВЖД в 1929 г. также привел к значительным потерям населения приграничных районов и массовой миграции из зоны военных действий главным образом в Шанхай, в меньшей степени – в Северный Китай. В 1937 г. произошла очередная миграционная волна, вызванная японской экспансией.

В 1949 г. русские были официально признаны одним из 56 национальных меньшинств в Китае. Однако наши соотечественники, оставшиеся в Китае, в 1960-х гг., вслед за сменой внешнеполитического курса Китая и особенно во время «культурной революции», испытали на себе ухудшение отношения к национальным меньшинствам. В результате к резкому сокращению численности русского населения Китая прибавился еще и процесс потери национальной идентичности. Во времена «культурной революции» проводились массовые репрессии против диаспор – даже говорить по-русски было опасно. Православная церковь в Китае, получившая в 1957 г. статус автономной, в итоге была упразднена – богослужения запрещались, храмы были закрыты, разорению подвергались даже русские кладбища. Русские, оставшиеся в КНР, во избежание репрессий шли на заключение

смешанных браков с китайцами, т.е. начался процесс ассимиляции. Согласно проведенной в 1982 г. переписи населения в КНР проживало только 2 933 русских, из них в Синьцзяно-Уйгурском автономном округе – 2 262 человека (в 1957 г. их было 9 700), в провинции Хэйлунцзян – около 100 человек, во Внутренней Монголии несколько десятков человек, совсем немного в Пекине, Шанхае и других городах [8. С. 15].

Благодаря смене внутри- и внешнеполитического курса в КНР в 1980-х гг., после исторического визита М. Горбачева в Пекин в Китай стали приезжать студенты из России, и многие оставались в стране. В итоге сформировалась новая, относительно молодая диаспора, примерная численность которой на данный момент достигает 40 тыс. человек. Это в основном студенты, представители бизнеса, люди, работающие в китайско-русских компаниях и т.д. Число соотечественников в Китае из года в год неуклонно растет. Большинство представителей этой диаспоры не имеет китайского гражданства, так как не видит смысла терять связь с исторической Родиной. Тем более что в КНР можно без проблем жить и без китайского паспорта.

Однако другая часть русских – это историческая диаспора с китайским гражданством, в действительности – ассимилировавшиеся русско-китайские семьи. Русских семей, не имеющих родственных связей с китайцами, осталось буквально единицы. Все остальные, русские по документам, мало чем отличаются от китайцев или уйгуров. Этнические русские расселены в городах Или, Дачэн, Алтай, Кульджа, Урумчи Синьцзяно-Уйгурского автономного района. Меньшее их количество проживает в автономном районе Внутренняя Монголия. Они сосредоточены в русской национальной волости Шивэй, пос. Лабдарин, г. Энхэ. В провинции Хэйлунцзян потомки переселенцев из России проживают в районе Мохэ, городке Хума, в уезде Сюньке – с. Сяодинцзыцунь, переименованном не так давно в Русское Пограничное, в селе Хатаян и некоторых других.

Безусловно, в 1980-х гг. изменилась политика китайского правительства в отношении национальных меньшинств. Например, в 1983 г. правительство Синьцзяна официально признало за русскими право праздновать Пасху и Рождество, в эти дни даже разрешено не выходить на работу. А в 1991 г. по ходатайству православного населения г. Урумчи взамен разрушенного православного храма был построен новый, именующийся Никольским. В Кульдже в 2000-х гг. была открыта единственная русская школа, директором которой стал Николай Лунев, по совместительству депутат от русского национального меньшинства в Народном политическом консультативном совете Китая. В 2008 г. власти Синьцзяна выделили средства на строительство православного храма в г. Дачэн (Чугучак). В Трехречье, в пос. Лабдарин (Эргуна) в 1997 г. также построен каменный Свято-Иннокентьевский храм.

Несмотря на такие «признаки» улучшения, ситуация с русским национальным меньшинством, по сути, не меняется. Представители исторической русской диаспоры в Китае на данный момент находятся прак-

тически в изоляции и прочной связи с Россией не имеют. В начале XXI в. во внешней политике России отношения с соотечественниками определены как одна из составляющих стратегии «мягкой силы». Согласно тезисам о внешней политике России на период 2012–2018 гг. [9], в настоящее время проблемой является неспособность использования потенциала русской диаспоры за рубежом: объективными препятствиями этому остаются идеологический характер, отсутствие каналов коммуникаций, ограниченность ресурсов. Постепенно эти препятствия исчезают, и политика в направлении взаимодействия с русскими за рубежом будет активно развиваться. Безусловно, эти изменения также будут касаться соотечественников в КНР.

Каким же образом можно сохранить национальную идентичность русского меньшинства в Китае? Конечно, без поддержки России, а также сформировавшейся в последние годы в крупных городах Китая русской общины это будет сложно сделать. В настоящее время существует две основные проблемы – сохранение русского языка и православной веры. До 1960-х гг. благодаря бытованию чисто русского уклада жизни русские сохраняли самобытность и родной язык. Но разрыв связей с исторической Родиной сделал свое дело: среда, в которой возможно было бы сохранение духовного опыта, «размыта». До сих пор не решена проблема восстановления клира православной церкви в Китае: в четырех официально открытых храмах не совершаются богослужения из-за отсутствия священнослужителей. Согласно законам КНР иностранцы не могут совершать богослужения в храмах Китая. В духовных семинариях в России учатся студенты из Внутренней Монголии, Харбина и Синьцзяна, но вопрос об их будущем служении в православных храмах Китая остается открытым.

Проблема сохранения русского языка также является актуальной. В настоящее время процесс утраты знаний русского языка зашел слишком далеко: даже если знают разговорный русский, то литературный и письменный язык давно забыт. Вот что пишут о «русских» в китайской газете «Женьминь жибао»: «У русской национальности имеется свой язык и письменность, но в общении русские говорят по-китайски и пишут на китайском языке. Соблюдение церемоний и вежливость являются одной из особенностей русской национальности. У русских женщина пользуется особым уважением, мужчины всегда оказывают ей знаки внимания и заботятся о женщинах <...> русские гостеприимны, они всегда тепло и сердечно принимают своих гостей и угощают их всем, что только есть <...> большинство русских, проживающих в Китае, исповедует православие. Новый год, Рождество и Пасха – их главные праздники» [10].

По словам Николая Лунева, во времена «культурной революции» было уничтожено почти все русское, разрушена православная церковь в Кульдже, закрыты многие школы. Вместе со школами пропали и уроки русского языка, да и говорить на русском во времена «культурной революции» было опасно. В средствах массовой информации можно прочесть: «...насто-роженность женщины исчезает, и она роняет несколь-

ко слов: “Моя мать была русской. Я забыла русский, последний раз говорила десять, нет, двадцать лет назад, точно и не помню... Отец был китаец, но тоже говорил по-русски. Мы жили в другой деревне. После наводнения переселились сюда, сорок лет назад”. Спрашиваю, как ее звала мать. “Лина, мое русское имя – Лина”. Она помнит, что в начале весны все дарили друг другу крашенные яйца. У нее было много русских друзей, “но теперь все умерли, я последняя, кто говорит по-русски”» [10].

Оторванность от родной культурной и языковой среды очевидна. Если у российских граждан, проживающих в крупных городах, есть возможность отдать детей на обучение в русскоговорящую школу, как, например, школа при посольстве в Пекине, то в других регионах Китая проблема изучения русского, литературы и отечественной истории стоит очень остро. В итоге большинство детей учатся в местных китайских или международных школах, из-за чего у них нет возможности полноценно выучить родной язык и сохранив культуру.

Что касается других источников изучения языка – библиотечных фондов, телевидения, Интернета и т.д., – то в регионах Китая проблема до конца не решена. Фактически прямой доступ к русскоязычным библиотечным фондам есть только в столице КНР, а русскоязычные СМИ посвящены китайской тематике.

Следует заметить, что в отношении соотечественников за рубежом Правительством России уже приняты очевидные шаги. При поддержке Посольства Российской Федерации, генеральных консульств, представительств созданы «Русские клубы» – в Пекине, Шанхае, Гонконге, Гуанчжоу, Харбине и Урумчи. С 2007 г. их деятельность направляется Координационным советом соотечественников (КССК), проживаю-

щих в Китае. КССК выполняет несколько основных задач: это консолидация русскоязычного населения, взаимопомощь и организация совместных встреч. В рамках деятельности Русских клубов регулярно проходят встречи представителей русской диаспоры, культурные и спортивные мероприятия, круглые столы по насущным проблемам русских в Китае. Кроме того, в Китае ежегодно проводятся конференции соотечественников, последняя состоялась 9–11 октября 2014 г.

В последние десятилетия поддержка русских в Китае стала более активной, однако еще не является достаточной. Для сохранения этничности русских необходимо поддерживать две основные составляющие – духовную, культурную жизнь и русский язык. Историческая диаспора в Китае на сегодняшний день не имеет достаточно внутренних сил для сохранения своей идентичности, поэтому нужна поддержка извне. Необходимо должным образом установить связь между исторической Родиной и русской диаспорой в КНР. Задействовать различные организации русских в Китае, такие как КССК или «Русские клубы», наметить проведение совместных встреч, акций в поддержку национального меньшинства; поддержать создание большого количества центров по изучению русского языка и культуры. Опираясь на поддержку Координационного совета соотечественников, консульств и других организаций по делам соотечественников за рубежом, проводить конструктивный диалог с местными властями по организации специализированных учебных заведений, строительству и реставрации православных храмов и т.д. Только при совместных усилиях и грамотной координации возможно преодоление изоляции эмигрантов в Китае и приостановление процесса полной ассимиляции русского национального меньшинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн. : БГУ, 1999. 316 с.
2. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М. : Русский путь, 2003. 440 с.
3. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М. : ИРИ РАН, 1997. 245 с.
4. Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД: 1896–1923. Харбин : Тип. КВЖД и т-ва «ОЗО», 1923. 690 с.
5. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / пер. с англ. ; предисл. О. Казниной. М. : Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
6. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М. : Наука, 1977. 368 с.
7. Lahusen, Thomas, Harbin and Manchuria place, space, and identity special issue // *The South Atlantic Quarterly*. Winter. 2000 Vol. 99, № 1. Durham Duke University Press, 2001. 272 p.
8. Фрэйзер С. Демографическая палитра Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. М., 1990. № 1. С. 171–179.
9. Тезисы о внешней политике России (2012–2018 гг.). М. : Спецкнига, 2012. 32 с.
10. Национальные меньшинства Китая: русские // Газета Женьмин Жибао. 2006. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/4298977.html> (дата обращения: 30.05.2014).

Статья представлена научной редакцией «История» 10 марта 2015 г.

THE PROBLEM OF PRESERVATION OF THE RUSSIAN ETHNIC MINORITY IDENTITY IN CHINA

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 150-154. DOI 10.17223/15617793/393/22

Riabova Margarita S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margo_sr@mail.ru

Keywords: China; Russian diaspora; ethnic minority; identity; emigration.

This article discusses the problem of Russian minority identity preservation in China. Russian diaspora abroad is one of the largest in the contemporary world, and the number of Russian living in China has been steadily increasing. In the era of globalization, with intense migration processes and activation of cultural and information exchange over political boundaries, the issue of diasporas is becoming more topical and public shows greater interest in the problems of national minorities and immigrants. Due to the

development of relations between Russia and China over the past decade, Russian settlement in China is also actively expanding, so the problem of studying the Russian diaspora is becoming increasingly urgent. The main content of the study is an analysis of the formation of the Russian diaspora in China since the end of the 19th century, its transformation and current situation. The article examines the key stages of the diaspora's formation: the pre-revolutionary period, period of the revolution, the emigration of the Second World War, postwar emigration and post-Soviet emigration which arose after the opening of the borders and has a diverse nature. In the study of Russian emigration in China, it is first necessary to consider the first wave of emigration in the late 19th – early 20th centuries, which starts the formation of a full-fledged Russian diaspora in China. The next important period is the post-war and post-Soviet emigration, when there is a division of the Russian diaspora in China: the first part is a modern diaspora, Russians who have not mixed with the local population, who arrived in China in the post-Soviet period and today they are the main translators of Russian culture in China. The second part of Russian nationals is a Chinese ethnic minority which is recognized officially as a national minority among the 56 nationalities. In fact, today they are Russian families which assimilated with the local population, descendants of marriages of Russians and the Chinese. For several years they remained in China without contact with their historical homeland because of the political climate between the USSR and China, thus, they became even more alienated from their historical roots. As a result, today the so-called "historical" Russian diaspora has no sufficient forces to maintain their identity. The author gives some general characteristics of the Russian ethnic minority in China, and emphasizes two main problems: preservation of the language and preservation of the Orthodox faith. Based on the analysis the author proposes some solutions to the problem of the loss of the identity of the Russian ethnic minority in China.

REFERENCES

1. Ablova N.E. *Istoriya KVZhD i rossiyskoy emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [History of the CER and Russian emigration in China (the first half of the twentieth century)]. Minsk: BSU Publ., 1999. 316 p.
2. Melikhov G.V. *Belyy Kharbin: Seredina 20-kh.* [White Harbin in mid-20s]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2003. 440 p.
3. Melikhov G.V. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. Moscow: IRI RAN Publ., 1997. 245 p.
4. Nilus E.Kh. *Istoricheskiy obzor KVZhD: 1896–1923* [Historical overview of the CER: 1896–1923]. Kharbin: Tip. KVZhD i t-va "OZO" Publ., 1923. 690 p.
5. Raev M. *Rossiia za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy emigratsii. 1919–1939* [Russia Abroad: A Cultural History of Russian emigration. 1919–1939]. Translated from English by O. Kaznina. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1994. 296 p.
6. Sladkovskiy M.I. *Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy SSSR s Kitaem (1917–1974)* [The history of trade and economic relations between the USSR and China (1917–1974)]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 368 p.
7. Lahusen Th. Harbin and Manchuria: place, space and identity. *The South Atlantic Quarterly*, Winter 2000, vol. 99, no. 1. Durham Duke University Press, 2001. 272 p.
8. Fraser S. Demograficheskaya palitra Kitaya [Demographic palette of China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1990, no. 1, pp. 171–179.
9. *Tezisy o vneshney politike Rossii (2012–2018 gg.)* [Theses on Russian Foreign Policy (2012–2018)]. Moscow: Spetskniga Publ., 2012. 32 p.
10. Natsional'nye men'shinstva Kitaya: russkie [Ethnic Minorities in China: Russians]. *Zhen'min Zhibao*, 2006. Available from: <http://russian.people.com.cn/31516/4298977.html>. (Accessed: 30.05.2014).

Received: 10 March 2015